

или к худшему? Ответит ли кто-нибудь за запланированное уничтожение Арала, Кара-Богаз-Гола, Ладоги?

Главной причиной должностных экологических преступлений является, по мнению авторов книги, «ориентация на ложные цели и приоритеты в сфере взаимодействия общества и природы», усиливаемая «ведомственностью механизма реализации права общенародной собственности на природные ресурсы», низким уровнем экологической культуры и нравственности.

Пора наконец признать, что экологическую обстановку в стране не удастся улучшить коренным образом, если не будут устранены деформации целей и структуры нашей экономики. Мы добываем железной руды в пять раз больше, чем США, выплавляем примерно в два раза больше стали, но по-прежнему ощущаем нехватку металла. Большая часть стали используется для производства в громадных количествах экскаваторов, бульдозеров и мощных самосвалов с целью расширения добычи железной руды и каменного угля, которые идут на выплавку новой стали. Образуется замкнутый цикл производства ради производства, в котором жизненные потребности человека удовлетворяются по остаточному принципу.

В нашем социалистическом государстве земля, недра, леса и воды принадлежат всем, а значит, никому. Они бесхозны и потому не имеют цены. Нам нужны не абстрактные хозяева «необъятной родины своей», а конкретные владельцы конкретных земельных угодий, лесных массивов, водоемов, месторождений полезных ископаемых. Такими владельцами могут и должны стать местные Советы народных депутатов. За определенную плату они будут сдавать землю в аренду промышленным и сельскохозяйственным предприятиям на достаточно большой срок. Фонды, образующиеся за счет арендных отчислений, местные Советы смогут использовать на благоустройство городов и деревень, развитие инфраструктур, организацию экологического мониторинга.

Вряд ли можно согласиться с осторожным заявлением авторов, что у нас профилактика экологических преступлений «в ряде случаев» ограничивается мерами агитационно-пропагандистского характера. Точнее было бы сказать — сплошь и рядом. В многочисленных министерствах и НИИ существуют и преуспевают так называемые группы экологического риска, то есть подразделения, разрабатывающие проекты на основе заведомо ложной или заведомо недостаточной информации. Сейчас уже поименно названы и даже морально осуждены авторы печально известного «поворота». И что же? Кое-кто из них с почетом ушел на «заслуженный» отдых, другие ищут и находят новые объекты для материализации своих «преобразующих» идей...

Книга, как сказано в аннотации, предназначена «для юристов-практиков, экологов и широкого круга читателей». Последним будет, пожалуй, непорочно освоиться с узкоспециальной терминологией первой главы книги, в которой рассматриваются детерминации экологического поведения с гносеологической, онтологической и генетической точек зрения. Зато остальные пять глав, посвященных исследованию причин должност-

ных, корыстных и других видов экологических преступлений, представляют несомненный интерес для всех.

К сожалению, авторы сосредоточили свое внимание исключительно на внутрисоюзных экологических проблемах. О том, как решаются аналогичные проблемы за рубежом, в данной работе ни слова...

Л. Каманин.

А. А. ФОРМОЗОВ. Следопыты земли московской. М. «Московский рабочий». 1988. 142 стр.

В последнее время все больше и больше обнаруживается, что национальные традиции, вопросы родовой памяти, культурное наследие дореволюционной России интересуют не узкий круг знатоков и специалистов, а самые широкие слои населения. Не просто злободневной, а политически острой стала борьба за сохранение памятников истории и культуры. Мы наконец-то осознали, что непрерывная культурная традиция в литературе, науке, искусстве — это огромная ценность. Поэтому так нужны сегодня книги, дающие широкий ретроспективный обзор развития той или иной области культуры, свободный от мелочной фактографии и устаревших догм.

Именно такова книга А. А. Формозова «Следопыты земли московской». Автор ее, известный специалист по истории русской археологии, любит обращаться к темам нетрафаретным, неканоническим. Весьма популярна такая, например, его книга, как «Пушкин и древности. Наблюдения археолога» (М. «Наука». 1979). А труд Формозова об историке И. Е. Забелине, изданный не так давно «Московским рабочим», я бы назвал лучшей из всех современных биографических работ о русских историках XVIII—XX веков... Увы, при изобилии популярной литературы у нас очень мало добротных профессиональных книг в этой области.

Сильная сторона рецензируемой книги, как и других работ А. А. Формозова по истории науки, — личностный подход. Автор живо и интересно, не отрываясь от контекста культурной жизни эпохи, рассказывает о людях, которые с 20-х годов XIX до середины XX века вели археологические раскопки на московской земле. Это, конечно же, не научная монография, а живая, увлекательная (хотя и несколько контекстивная) археология в лицах. З. Ходаковский (чья биография — готовый материал для исторического детектива), К. Калайдович, А. Богданов, В. Сизов, Д. Анучин, Ю. Готье, А. Спицын... Эти имена мало что говорят даже москвичу. Но историк убеждает нас, что без живых людей нет и живого дела. Отмечу трезвый и взвешенный подход автора к своим персонажам, позволяющий раскрыть многообразие людских характеров, избежать чрезмерной восторженности и комплиментарности. Вот замечания А. А. Формозова о своем учителе А. В. Арциховском: «Он обладал феноменальной, почти патологической памятью

и без особого напряжения запоминал имена, отчества и фамилии всех студентов института, сдававших экзамен по археологии на первом курсе. Уже тогда он составлял о каждом определенное представление (надо признать, не всегда верное)... Чарльз Сноу заметил в одном из своих романов, что холостякам свойствен повышенный интерес к людям. Артемий Владимирович служил подтверждением этому наблюдению». Чтобы так писать, мало изучить документы, нужно уметь восстановить атмосферу времени, богатство связей человека со временем. Автору это удалось. Он сообщает сведения о десятках людей (причем не только об археологах). Особенно интересными для меня, например, стали главы, посвященные 20—40-м годам нашего века. Подъем краеведения в 20-х годах и его последующий разгром, раскопки, связанные с прокладкой метро, полемика в 30-е годы — здесь тайн, на мой взгляд, больше, чем в истории многолетних поисков биб-

лиотеки Ивана Грозного. Автор дает точную и честную (хотя, увы, неполную) информацию.

Тут, наверное, к месту будет сказать, что воскрешение высоких нравственных, этических, общекультурных требований к личности историка — дело насущное и необходимое. Наши историков десятилетиями отучали от личной точки зрения, оригинальности мышления, уважения к достижениям предшественников. Широта кругозора и высокая культура мышления прямо мешали одаренному студенту пройти сквозь утолщенное ушко академической науки. Вот почему обращение к личностям передовых, демократически настроенных ученых XIX—XX веков необычайно плодотворно. В этом я вижу одно из главных достоинств новой книги А. А. Формозова.

Виктор Бердинских,
кандидат исторических наук.

Киров.